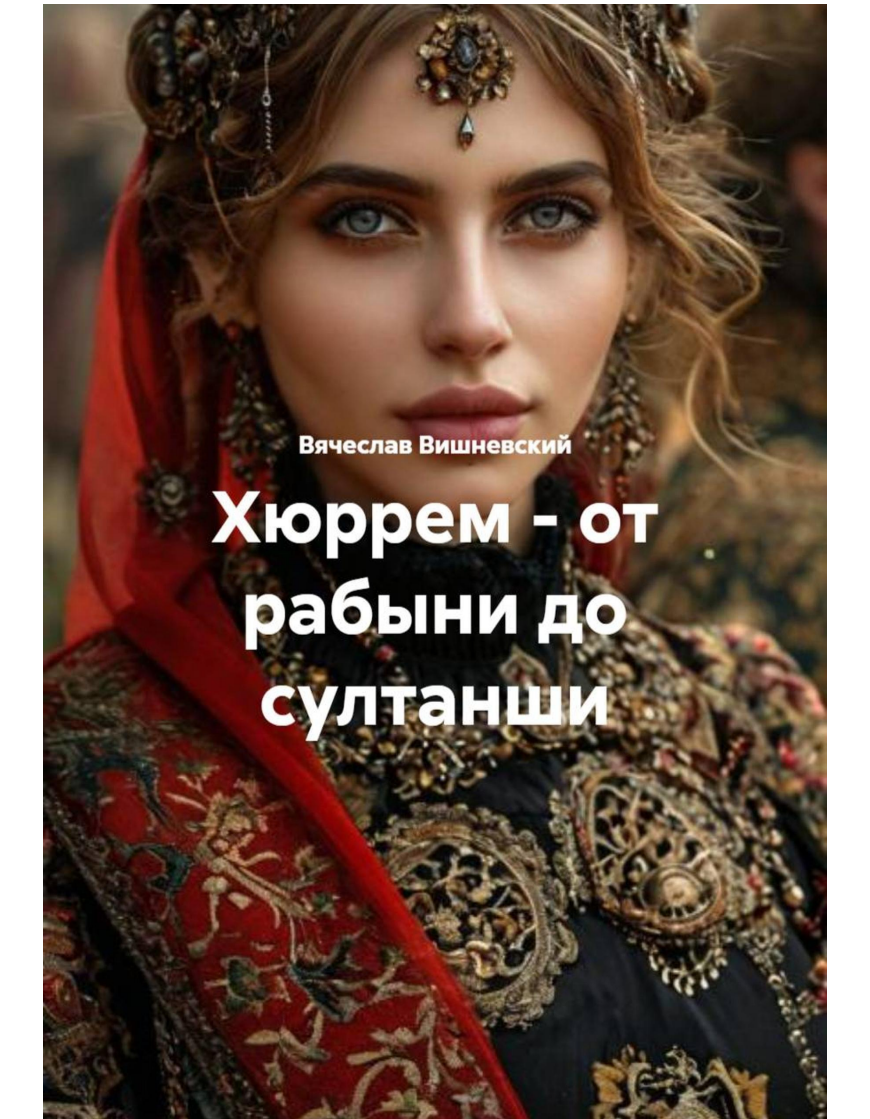




Вячеслав Вишневский

Хюррем - от рабыни до султанши

Вячеслав Вишневский

Хюррем – от рабыни до султанши

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73565243

SelfPub; 2026

Аннотация

Она была никем – дочерью священника из маленького украинского городка. Ее похитили татары, продали в рабство, бросили в чужой мир, где она была лишь товаром, вещью, безмолвной тенью.

Она стала всем – законной женой султана Сулеймана, самой могущественной женщиной Османской империи, женщиной, перед которой склоняли головы самые гордые воины.

Ее называли Хюррем – «та, что дарит радость». А еще ее называли ведьмой, колдуньей, лисицей, коварной интриганкой. Враги проклинали ее, друзья боялись, а султан любил так, как не любил никого до нее и никого после.

Это история о любви, победившей время. О женщине, изменившей ход истории. О рабыне, ставшей повелительницей.

Роман, основанный на реальных событиях, написанный по мотивам легендарного сериала «Великолепный век» и дополненный историческими документами, письмами и стихами Сулеймана и Роксоланы.

Для всех, кто верит в силу любви, способной изменить мир.

Вячеслав Вишневский

Хюррем – от рабыни до султанши

Посвящается всем, кто верит в силу любви, способной изменить судьбу

Я – тень Бога на земле,

Но без тебя я – лишь тень.

Приди, будь моим светом,

Ибо во тьме без тебя я угасаю.

Из письма Сулеймана к Хюррем

Том первый
Рабыня

Пролог

Степь дышала ветром.

Он поднимался где-то далеко, за горизонтом, где небо сливалось с землей в одну серую линию, и катился волнами до самого горизонта, неся с собой запахи полыни, чабреца и далекой влаги. То был ветер воли – такой же неуловимый, такой же беспокойный, как и люди, жившие на этих землях.

Украина. Край, где рождались казаки. Край, где женщины рождали воинов, а сами становились крепче камня.

На высоком холме, откуда открывался вид на бескрайние степи вплоть до самого Днестра, стояла девушка. Ветер играл с ее длинными русыми волосами, заплетал их в косы, бросал в лицо, но она не сводила глаз с горизонта. Она могла стоять так часами – смотреть туда, где за десятки дней пути лежало другое море, другие земли, другая жизнь.

Ее звали Александра.

– Сашко! – послышалось снизу. – А ну домой! Мать зовет!

Она оглянулась. К холму поднимался парень лет шестнадцати, ее брат Дмитрий. Он махал рукой и что-то выкрикивал, но ветер уносил слова в степь.

Александра вздохнула, в последний раз взглянула на горизонт и побежала вниз. Она не знала тогда, что через несколько лет будет смотреть на другое море – Черное, которое турки называли Кара Дениз, и думать о том далеком холме в Украине, о ветре, о брате, о запахе полыни.

Но это будет потом.

А пока – она бежала домой, где ждал ужин, где отец рассказывал о казацких походах, где мать пела старинные песни, а в хате пахло свежим хлебом и чабрецом.

Рогатин. Небольшой городок в Галичине, зажатый между холмами, покрытыми лесами. Здесь жили русины, поляки, евреи, армяне – все те народы, которыми так богата была Речь Посполитая. Здесь торговали, ссорились, мирились, рожали детей и хоронили стариков.

Семья священника Гавриила Лисовского жила на окраине, у самой дороги, ведущей на восток. Хата была небогатой, но крепкой, из доброго дерева, с резными наличниками, которые отец вырезал собственноручно. Мать держала огород, коз, кур – кормились своим. Отец служил в маленькой церкви, венчал молодых, крестил детей, отпевал покойников.

Александра была старшей. Она помнила, как родилась сестра Екатерина, потом брат Дмитрий, потом еще одна сестра – Анна. Мать уставала, старела на глазах, но никогда не жаловалась. Она лишь пела свои песни – о турецкой неволе, о девушке, которую забрали в плен, о казаках, что отправляются в поход и не возвращаются.

Александра любила слушать эти песни. Она садилась у материнских ног, клала голову ей на колени и слушала, слушала... Ей казалось, что она слышит голоса предков, что они зовут ее куда-то далеко, за горизонт, за море, за горы.

– Мама, а почему турки забирают наших людей? – спросила она однажды.

Мать замолчала, долго смотрела на нее, потом погладила по голове.

– Потому что они нехристи, дочка. Потому что у них нет Бога в сердце.

– А наши казаки их бьют?

– Бьют, дитяtko. И будут бить. Но турок много, а нас – мало.

– А если бы я была казаком, я бы их всех прогнала.

Мать улыбнулась.

– Ты девушка, Александра. Твое дело – детей рожать, хату беречь, мужа улаживать.

– А если я не хочу?

– Хочешь не хочешь – так Богом дано. Не нам судить.

Александра молчала. Она уже тогда чувствовала: что-то в ней не так, как у других. Что-то толкало ее туда, где не было привычных правил, где женщина могла стать больше, чем просто женщиной.

Но об этом она не говорила никому. Даже матери.

Того утра ничто не предвещало беды.

Солнце поднялось над холмами, растопило туман в низинах, залило светом долину. Александра пошла к колодцу за водой – обычное утреннее дело, которое она делала тысячи

раз.

Она шла тропинкой через поле, неся на плече коромысло с двумя деревянными ведрами. На ней была простая полотняная рубаша, вышитая красными нитками, юбка из домотканого сукна, а на ногах – постолы, сплетенные из лыка. Она напевала что-то себе под нос, смотрела на небо, на жаворонка, что трепетал в вышине, и не заметила, как из леса выехали всадники.

Они появились внезапно – словно из самой земли выросли. Десяток коней, десяток темных фигур в странных одеждах. Они мчались прямо на нее, и она застыла на месте, не в силах пошевелиться.

– Беги! – закричал кто-то из села. – Татары!

Но бежать было поздно. Кони приближались с бешеной скоростью. Александра видела раздутые ноздри, видела глаза всадников – черные, безжалостные, видела блеск сабель на солнце.

Она уронила коромысло. Ведра покатались, разливая воду на сухую землю. И в то же мгновение чьи-то руки схватили ее, подняли в воздух, закинули на коня.

Она успела крикнуть лишь раз.

– Мама!

Но мать не услышала. А если бы и услышала – что бы она смогла сделать?

Степь летела под копытами коней. Ветер рвал волосы. Слезы текли по лицу, смешиваясь с пылью. Александра

смотрела на родные холмы, что таяли за горизонтом, и не знала, что видит их в последний раз.

Она не знала, что через много лет станет самой могущественной женщиной мира. Что ее имя будут шептать со страхом и восхищением. Что султан Османской империи – повелитель двух морей и двух континентов – будет называть ее своим солнцем, своей радостью, своей Хюррем.

Она не знала этого. Она просто плакала, глядя на родную землю, что исчезала вдали.

А степь летела, летела, летела...

Глава 2. Кара Дениз

Кафа. Город, который турки называли Кефе, а генуэзцы – Каффа. Крупнейший невольничий рынок Причерноморья. Здесь продавали людей так же, как в иных местах продавали скот или зерно.

Генуэзская крепость возвышалась над морем, ее могучие стены, сложенные из известняка, помнили еще времена, когда эти земли принадлежали итальянцам. Теперь здесь хозяйничали турки. Они превратили Кафу в главный перевалочный пункт для рабов, которых сгоняли сюда со всей Восточной Европы.

Сюда привезли и Александру.

Она не помнила, сколько дней длилась дорога. Она потеряла счет времени, когда ее, связанную веревками, бросали

на воз, везли через степи, пересаживали на коней, снова везли. Она видела много других пленников – молодых парней, девушек, даже детей. Все они были похожи на нее: испуганные, изможденные, потухшие.

Но в ней, в отличие от других, жила не только покорность. В ней жила ярость.

Она не знала, на кого злиться – на тех дикарей, что украли ее, на Бога, что допустил это, или на себя, что не убежала, не убила кого-то из тех всадников. Она просто лежала на возу, смотрела на звездное небо и сжимала зубы так, что аж виски болели.

– Не бойся, – услышала она тихий голос рядом.

Она повернула голову. Рядом лежала девушка чуть старше нее, с большими темными глазами и длинной черной косой.

– Как тебя зовут? – спросила девушка.

– Александра. А тебя?

– Мария. Я с Подолья. Меня взяли на прошлой неделе.

– Куда нас везут?

– В Кафу. А оттуда – морем в Стамбул. Нас продадут.

– Кому?

– Кому скажут. Может, в гарем к какому-нибудь богатею. Может, на работу. Может, в пустыню. Все в руках Аллаха, – она горько усмехнулась.

– Я не хочу умирать, – сказала Александра.

– А кто хочет? Но мы теперь не хозяева своей жизни.

– Я буду хозяйкой, – сквозь зубы прошептала Александра. Мария посмотрела на нее с удивлением, но ничего не сказала.

Кафа встретила их жарой, криком и смрадом.

Узкие улочки города были забиты людьми. Здесь говорили на разных языках – турецком, татарском, генуэзском, армянском, польском, русском. Все куда-то бежали, что-то кричали, торговались, ругались.

А посреди этого гама стояли они – невольники. Сотни, тысячи людей. Их выстроили в ряд, обнаженных до пояса, с деревянными колодками на шеях. К ним подходили покупатели, щупали зубы, проверяли, здоровы ли, крепки ли.

Александра стояла в этом ряду, смотрела прямо перед собой и старалась не думать.

– Эту! – крикнул татарин, который их привез, показывая на Александру. – Хорошая девка, молодая, здоровая. Из поповской семьи!

К ней подошел человек в длинном халате, с маленькой бородкой и хитрыми глазами. Он обошел ее вокруг, пощупал руки, заглянул в рот.

– Сколько?

– Сто золотых.

– Ты с ума сошел! За такую скотину – сто золотых? Даю пятьдесят.

– Семьдесят.

– Шестьдесят, и больше не дам.

– Забирай.

Человек бросил кошелёк татарину, схватил Александру за руку и потащил за собой. Она едва успела оглянуться и увидеть Марию, которая оставалась стоять в том же ряду, глядя на нее с жалостью.

– Прощай, – прошептала Александра.

Но Мария не слышала.

Новый хозяин оказался купцом. Он торговал рабами, тканями, пряностями – всем, что могло принести прибыль. Он не был жестоким – по крайней мере, не больше, чем другие. Он просто смотрел на людей как на товар, и это было, пожалуй, самым страшным.

– Ты будешь жить в моем доме, – сказал он Александре на ломаном русском. – Будешь помогать по хозяйству. Если будешь послушной – хорошо кормить буду. Если нет – продам в пустыню. Поняла?

Она молча кивнула.

– Имя твое теперь не Александра. Ты теперь – русская рабыня. Будем звать тебя... – он задумался. – Будем звать тебя просто Джарие. Рабыня.

Она снова кивнула, но внутри нее что-то протестовало. Не Александра. Русская рабыня. Джарие.

«Я запомню свое имя, — подумала она. — Я не дам его забыть. Я стану тем, кем захочу. Я стану больше, чем просто рабыней».

Это была ее тайная клятва. И она выполнит ее, чего бы ей это ни стоило.

Глава 3. Стамбул

Они плыли морем три дня.

Сначала Александра смотрела на воду часами, не могла оторваться. Она никогда не видела моря — только слышала о нем из рассказов бывалых людей, из песен, которые пела мать. А теперь оно было перед ней — бескрайнее, синее, грозное.

Кара Дениз. Черное море.

Корабль был небольшим, одномачтовым, с низкими бортами. Он нырял в волны, зарывался носом, стонал всеми своими деревянными суставами. Александра лежала в трюме, среди других рабов, и смотрела сквозь щели в палубе на клочок неба.

Она старалась не думать. Не думать о доме, о матери, о брате, о холме над Днестром. Не думать о том, что ждет впереди. Она просто смотрела на небо и слушала, как шумит море.

На третий день она увидела Стамбул.

Город предстал утром, когда солнце только поднялось над

горизонтом. Сначала появились купола – огромные, тяжелые, словно приземлившиеся на холмы. Потом – минареты, тонкие, как стрелы, пронзающие небо. Потом – стены, могучие крепостные стены, которые, казалось, достигали самого неба.

Корабль вошел в бухту Золотой Рог. Здесь было полно судов – больших и малых, торговых и военных. На берегу кипела жизнь: крики, смех, ржание коней, скрип колес. Все смешалось в один огромный звук, который поражал и пугал одновременно.

– Стамбул, – прошептал кто-то рядом. – Столица мира.

Александра молчала. Она смотрела на город и чувствовала, как в ней рождается что-то новое. Не страх. Не покорность. А что-то другое, чего она не могла назвать.

Это было предчувствие.

– Ты пойдешь во дворец, – сказал купец, когда они сошли на берег.

Александра не поняла.

– В какой дворец?

– В Топкапы. В султанский гарем.

Она застыла. Она слышала о гареме. Женщины говорили, что это золотая клетка, где живут самые красивые девушки мира, но откуда никто не выходит. Она слышала о евнухах, о султанах, о безжалостных законах.

– Я не хочу, – сказала она.

Купец рассмеялся.

– Тебя никто не спрашивает, русская. Ты товар. А товар не имеет желаний.

Она стиснула зубы, но промолчала.

Ее завели в какое-то здание, посадили в комнате с другими девушками. Они были разные – белые и темные, высокие и низкие, с разными глазами и разными волосами. Но все они были одинаково испуганы.

– Откуда ты? – спросила ее девушка с длинными черными глазами.

– Из Украины.

– А я из Черкесии. Меня тоже купили для гарема. Говорят, султан ищет новых наложниц.

– Ты боишься?

– Боюсь. Но говорят, что он красивый. И молодой.

Александра пожала плечами.

– Он для меня не существует. Я хочу только одного – выжить.

– Выжить в гареме? – девушка грустно улыбнулась. – Там выживают не все. Там гибнут чаще, чем на войне.

– Тогда я буду бороться.

– С кем?

– Со всеми.

Черкешенка посмотрела на нее с интересом, но ничего не сказала.

Через несколько дней их повели во дворец.

Топкапы поражал. Это был целый город в городе – с площадями, садами, фонтанами, мечетями, казармами. Высокие стены, украшенные голубой плиткой, золотые ворота, через которые проходили вельможи в роскошных халатах, стража в ярких мундирах.

Их провели через несколько дворов, через узкие коридоры, мимо комнат, полных диковинных вещей. Александра пыталась запомнить дорогу, но быстро запуталась.

Наконец они оказались в просторном помещении с высоким потолком, украшенным золотым орнаментом. На подушках сидели женщины в шелках, пили кофе из маленьких чашек, лениво переговаривались.

Их встретила высокая женщина с властным лицом и тяжелым взглядом. На ней было темное одеяние, на поясе висела связка ключей. Она говорила коротко, резко, и все вокруг склоняли головы, когда она проходила.

– Это кызляр-ага, – прошептала черкешенка. – Главный евнух. Он управляет гаремом.

Евнух подошел к девушкам, оглядел каждую. Его взгляд скользил по ним, словно луч, ищущий изъяны. Он остановился возле Александры, задержал взгляд на ее лице.

– Имя?

– Александра.

– Теперь ты – Хюррем. Это значит «та, что дарит радость». Запомни.

Она кивнула, но внутри что-то ёкнуло. Она теряла свое имя. Она теряла себя.

– Проведите ее в комнату для новеньких. Начнет обучение завтра.

Ее повели дальше, в глубину гарема. Она шла, не оглядываясь, и думала об одном: «Я выживу. Я не сломаюсь. Я стану тем, кем захочу».

Она еще не знала, что это только начало.

Конец первого тома

Том второй

Султанша

Глава 4. Гарем

Гарем Топкапы был отдельным миром.

Александра, которую теперь все называли Хюррем, впервые осознала это на вторую ночь своего пребывания во дворце. Она не могла уснуть – слишком много новых звуков, запахов, впечатлений. Она лежала на мягких подушках, смотрела в высокий потолок, украшенный затейливой росписью, и слушала.

Гарем дышал.

Где-то вдалеке плакал ребенок. Где-то смеялись женщины. Где-то перешептывались служанки. Где-то звенела вода в фонтанах. Все эти звуки сливались в один непрерывный гул, который не умолкал ни на минуту.

Хюррем думала о том, что сказала ей черкешенка Айше: «Здесь выживают не все. Здесь гибнут чаще, чем на войне».

Что значит – гибнут? Убивают? Умирают от тоски? Сходят с ума?

Она не знала ответа. Но знала одно: она не хочет быть среди тех, кто гибнет.

– Не спишь?

Хюррем вздрогнула и повернула голову. В дверях стояла высокая худая женщина в темном одеянии. Ее лицо было бесстрастным, глаза – пустыми.

– Я Фатима, – сказала женщина. – Я буду учить тебя.

– Учить чему?

– Всему. Как ходить, как говорить, как молчать, как слушать. Как выжить.

Она говорила на удивление чисто, почти без акцента. Хюррем потом узнала, что Фатима когда-то была такой же рабыней, как и она, из далекой северной страны. Но она сумела подняться – не до фаворитки, нет, но до наставницы, до женщины, которой доверяют новых невольниц.

– Вставай, – сказала Фатима. – Ночь кончилась. В гареме день начинается рано.

Хюррем послушно встала. Фатима окинула ее взглядом, покачала головой.

– Худая. Бледная. Волосы как пакля. Но глаза... глаза хорошие. Умные. Это важно.

– Почему?

– Потому что глупые здесь долго не живут. Иди за мной.

Первые дни в гареме слились для Хюррем в один бесконечный день.

Она просыпалась до рассвета, когда еще не было слышно муэдзинов, зовущих к утренней молитве. Мылась в холодной воде (горячую давали только старшим наложницам). Одевалась в простую одежду, которую приносили служанки. Ела пресную кашу с кусочками хлеба. И начинала учиться.

Фатима была строгой, но справедливой.

– Держи спину прямо, – говорила она. – Ты не крестьянка, не работница. Ты будущая одалиска. Твое тело – твое оружие.

– Я не хочу быть оружием, – однажды возразила Хюррем.

Фатима остановилась, посмотрела на нее долгим взглядом.

– Хочешь ты или нет, но ты здесь. И ты либо станешь оружием, либо станешь трупом. Третьего не дано.

Хюррем промолчала, но запомнила эти слова.

Она училась ходить так, чтобы движения были плавными,

словно она плывет по воде. Училась наклонять голову, садиться, вставать. Училась говорить тихо, но внятно, не глотая окончаний. Училась улыбаться так, чтобы улыбка была искренней, даже когда на душе скребли кошки.

– Ты быстро учишься, – заметила Фатима через неделю. – Быстрее многих.

– Я хочу жить, – просто ответила Хюррем.

– Хотеть жить мало. Надо хотеть побеждать.

– Я хочу побеждать.

Фатима усмехнулась.

– Посмотрим.

Во второй неделе Хюррем впервые увидела валиде-султан.

Валиде – мать султана, повелительница гарема, женщина, от которой зависели судьбы всех, кто жил за этими стенами. Ее звали Хафса-султан, и она правила здесь уже много лет.

Хюррем вместе с другими новенькими выстроили вдоль стены, когда валиде проходила через внутренний двор. Она шла медленно, опираясь на руку служанки, но в каждом ее движении чувствовалась власть. Голову она держала высоко, на лице не было ни тени улыбки. Глаза смотрели холодно, изучающе.

Хюррем впервые почувствовала, что значит настоящий страх. Не тот, когда за тобой гонятся татары, не тот, когда

тебя продают на рынке. А другой – холодный, липкий, от которого немеют руки.

Валиде остановилась прямо перед ней.

– Эта, – сказала она, указывая на Хюррем. – Откуда?

– Из Галиции, ваше величество, – ответила Фатима. – Дочь священника.

– Дочь священника? – валиде усмехнулась. – Интересно. Глаза у нее дерзкие. Это опасно.

– Я присмотрю за ней, ваше величество.

– Присмотри. Если будет проблемы – убирай.

Валиде пошла дальше, а Хюррем стояла, не в силах пошевелиться. Только когда процессия скрылась за поворотом, она смогла выдохнуть.

– Ты ей не понравилась, – тихо сказала стоявшая рядом девушка. – Это плохо.

– Я знаю, – ответила Хюррем. – Но я ей понравлюсь.

Девушка посмотрела на нее с удивлением, но ничего не сказала.

Глава 5. Подруги и враги

В гареме не было друзей. Хюррем поняла это быстро.

Здесь были союзницы, были враги, были нейтральные, которых можно было перетянуть на свою сторону. Но друзей – настоящих, на которых можно положиться – не было.

Айше, черкешенка, с которой Хюррем познакомилась в

первый день, держалась особняком. Она не лезла в интриги, не пыталась обратить на себя внимание, просто делала свое дело и молчала.

– Ты странная, – сказала ей однажды Хюррем. – Почему ты ни с кем не общаешься?

– Потому что общение здесь опасно, – ответила Айше. – Каждое слово могут использовать против тебя. Каждая улыбка – стать поводом для зависти.

– Но с кем-то же можно говорить?

– С тобой говорю. Ты мне нравишься. Но это не значит, что я тебе друг.

Хюррем кивнула. Она понимала.

Гюльбахар была другой.

Она была одной из фавориток султана. Не главной – главной считалась Махидевран, мать старшего сына, – но достаточно близкой, чтобы иметь влияние. Она была красивой особой, восточной красотой, от которой трудно отвести взгляд: большие черные глаза, длинные ресницы, тонкие запястья, унизанные браслетами.

Гюльбахар заметила Хюррем почти сразу.

– Новенькая? – спросила она, когда они встретились в саду. – Откуда?

– Из Галиции.

– Славянка? Интересно. Славянки сейчас в моде. Султан

любит белую кожу и светлые волосы.

Хюррем почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она поняла: это не просто разговор. Это проверка.

– Я всего лишь служанка, – тихо сказала она. – Мне далеко до таких красавиц, как вы.

Гюльбахар усмехнулась.

– Умная. Это хорошо. Умные живут дольше. Но не намного.

Она развернулась и ушла, оставив Хюррем в замешательстве.

– Осторожней с ней, – сказала Айше, появляясь из-за кустов. – Она видит в тебе соперницу.

– Соперницу? Я никто.

– Ты молода. Ты красива. Ты славянка. Этого достаточно.

Махидевран Хюррем увидела через месяц.

Это случилось на большом празднике в честь возвращения султана из военного похода. Весь гарем был поднят на ноги. Женщины надевали лучшие наряды, служанки бегали с подносами, пахло сладостями и благовониями.

Махидевран сидела на почетном месте, рядом с валиде. Она была старше других фавориток, но в ней чувствовалась сила. Спокойная, уверенная сила женщины, которая родила султану сына и знает, что это дает ей неуязвимость.

Хюррем стояла в толпе других девушек и смотрела на нее.

Махидевран, словно почувствовав взгляд, повернула голову. Их глаза встретились.

Хюррем первой отвела взгляд. Но было поздно. Она увидела в глазах Махидевран то же, что и в глазах Гюльбахар: настороженность, интерес, угрозу.

– Ты ей не понравилась, – прошептала Айше.

– Я знаю, – ответила Хюррем. – Но я ей понравлюсь.

Айше покачала головой.

– Ты или очень смелая, или очень глупая.

– Я просто хочу жить.

– Жить можно и в тени. Не обязательно лезть на свет.

– Я не умею жить в тени.

Айше вздохнула и ничего не ответила.

Глава 6. Первая встреча

Сулейман вернулся в Стамбул в начале осени.

Его поход был удачным – он взял несколько крепостей, расширил границы империи, привез богатую добычу. Город встречал его с ликованием. Улицы были усыпаны цветами, люди выкрикивали его имя, поэты слагали стихи.

Но в гареме готовились к другому – к ночи.

Фатима объясняла Хюррем, что происходит, когда султан возвращается.

– Он выберет женщину на эту ночь. Может, одну. Может, двух. Может, ни одной. Но если выберет тебя – это твой

шанс.

– Шанс на что?

– На жизнь. На положение. На детей. На все.

Хюррем молчала. Она еще не была готова к этому. Она не знала этого человека, не видела его, не представляла, какой он. Но она знала, что от него зависит ее судьба.

– Что мне делать? – спросила она.

– Быть собой. Но лучшей версией себя. Нежной, покорной, но не безвольной. Умной, но не заносчивой. Красивой, но не вызывающей.

– Это невозможно.

– Возможно. Если захочешь.

Султан появился в гареме на третий день после возвращения.

Он прошел через главный зал, где выстроились все женщины – от старых служанок до юных одалисок. Хюррем стояла в третьем ряду, почти у стены, но все равно видела его.

Он был высок. Выше, чем она представляла. У него было красивое лицо с тонкими чертами, длинная темная борода, большие глаза, в которых читались ум и усталость. Он был одет в простой, но дорогой кафтан, на поясе висел кинжал, усыпанный драгоценными камнями.

Сулейман шел медленно, разглядывая женщин. Иногда он останавливался, задавал несколько вопросов, шел дальше.

Когда он поравнялся с Хюррем, она опустила глаза, как учила Фатима.

– Подними голову, – услышала она голос.

Она подняла. Их глаза встретились.

Он смотрел на нее долго. Слишком долго. Хюррем чувствовала, как по спине бегут мурашки, как сердце колотится где-то в горле.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Хюррем, повелитель.

– Хюррем... Смеющаяся. Ты часто смеешься?

– Когда есть повод.

Он усмехнулся.

– Смелая. Это хорошо.

Он пошел дальше, а Хюррем осталась стоять, не в силах поверить, что это произошло. Она говорила с султаном. Она смотрела ему в глаза. Он запомнил ее.

Вечером к ней пришли служанки.

– Готовься, – сказали они. – Сегодня ты идешь к султану.

Хюррем стояла посреди комнаты и не знала, радоваться ей или бояться.

– Ты готова? – спросила Айше, появляясь в дверях.

– Нет.

– Тогда притворись, что готова. Это главное.

Хюррем кивнула и пошла за служанками.

Покои султана были огромными.

Хюррем ввели через маленькую дверцу, провели по коридору, остановили перед тяжелой занавесью.

– Разденься и войди, – сказала служанка.

Хюррем послушно скинула одежду и отодвинула занавес.

Сулейман сидел на подушках, пил вино из золотого кубка.

При ее появлении он поднял глаза и долго смотрел на нее. Хюррем стояла, не зная, что делать, куда смотреть, как дышать.

– Подойди, – сказал он.

Она подошла. Села рядом на подушки, как учила Фатима.

– Ты боишься?

– Да, повелитель.

– Это хорошо. Значит, ты не дура. Дуры не боятся.

Он протянул ей кубок.

– Пей.

Она сделала глоток. Вино было терпким, сладким и горьким одновременно.

– Откуда ты?

– Из Галиции.

– Славянка. У меня еще не было славянки.

Он помолчал, разглядывая ее.

– Твои глаза... В них что-то есть. Что-то, чего я не видел у других.

– Что, повелитель?

– Не знаю. Может быть, жизнь. Может быть, смерть. Вре-

меня покажет.

Он отставил кубок и притянул ее к себе.

– Не бойся, – прошептал он. – Я не причиню тебе зла.

Хюррем закрыла глаза. Она не знала, что будет дальше. Но она знала одно: это ее шанс. И она не упустит его.

Конец второго тома

Том третий

Валиде

Глава 7. Восхождение

Утро после первой ночи с султаном было странным.

Хюррем проснулась от того, что кто-то тряс ее за плечо. Она открыла глаза и увидела незнакомую служанку, которая смотрела на нее с почтительным страхом.

– Госпожа, – прошептала служанка. – Вам нужно встать. Вас ждут в хамаме.

Хюррем села на постели и огляделась. Она лежала не в своей прежней комнате, а в других покоях – больше, светлее, с окнами, выходящими в сад.

– Где я?

– В ваших новых покоях, госпожа. Султан приказал переселить вас сюда.

Хюррем помнила ночь. Помнила прикосновения Сулеймана, его голос, его глаза. Помнила, как он смотрел на нее, как говорил что-то на непонятном языке, как гладил по волосам. Помнила, как под утро, когда уже светало, он поцеловал ее в лоб и сказал:

– Ты останешься со мной.

Она тогда не поняла, что это значит. Теперь начинала понимать.

– Помоги мне встать, – сказала она служанке.

Та подала ей руку, помогла подняться. Хюррем сделала несколько шагов и остановилась у окна. За стеклом открывался вид на внутренний двор Топкапы – на фонтаны, на кипарисы, на голубое небо.

– Это все мое? – спросила она.

– Это все ваше, госпожа, – ответила служанка. – Пока султан не скажет иначе.

Хюррем улыбнулась.

– Он не скажет иначе.

В хамаме ее ждали.

Три женщины – пожилые, опытные, с лицами, похожими на маски – взяли ее в оборот. Они мыли ее, растирали маслами, расчесывали волосы, натирали тело душистыми мазями. Хюррем чувствовала себя ребенком, которым управляют взрослые.

– Вы теперь фаворитка, – сказала одна из женщин. – К вам будет особое отношение.

– И особая опасность, – добавила другая.

– Что вы имеете в виду?

– То, что у вас теперь есть враги. Те, кто раньше был ближе к султану, теперь будут видеть в вас угрозу. Особенно Махидевран.

Хюррем помолчала.

– Я не боюсь Махидевран.

– Бойтесь, – резко сказала женщина. – У нее сын. У нее поддержка валиде. У нее годы близости с султаном. А у вас – одна ночь.

– Одна ночь, которую я сделаю тысячью ночей.

Женщины переглянулись, но ничего не сказали.

Валиде ждала ее после хамама.

Хафса-султан сидела в своих покоях, пила кофе из маленькой чашки и смотрела на Хюррем с выражением, которое невозможно было прочесть.

– Подойди, – сказала она.

Хюррем подошла и опустилась на колени, как учила Фатима.

– Встань. Я не люблю, когда передо мной ползают. Ты теперь фаворитка моего сына. Ты должна вести себя достойно.

Хюррем встала, выпрямилась, посмотрела валиде прямо

в глаза.

– Смелая, – усмехнулась Хафса. – Это может быть опасно.

– Я знаю, ваше величество.

– Что ты знаешь? Ты здесь несколько месяцев. Ты не знаешь ничего. Ты не знаешь, как здесь устроена жизнь. Ты не знаешь, кто твой друг, а кто враг. Ты не знаешь, что каждое твое слово могут использовать против тебя.

– Я учусь.

– Учиться здесь быстро. Потому что медленно учатся только мертвые.

Валиде отставила чашку и подошла к Хюррем вплотную.

– Мой сын смотрит на тебя с интересом. Я не знаю, надолго ли это. Может, на неделю. Может, на месяц. Может, навсегда. Но пока он смотрит, ты под моей защитой. Если он отвернется – ты сама по себе.

– Я понимаю.

– Понимаешь ли? – валиде прищурилась. – Хорошо. Иди. И помни: гарем полон глаз. Каждый твой шаг видят.

Хюррем поклонилась и вышла. Только за дверью она позволила себе выдохнуть.

– Страшно? – спросила Айше, ждавшая ее в коридоре.

– Страшно, – призналась Хюррем.

– Это только начало.

Глава 8. Битва за сердце

Махидевран не стала ждать долго.

Она встретила Хюррем через два дня в саду. Шла прямо на нее, не сворачивая, и Хюррем поняла: столкновение неизбежно.

– Славянка, – сказала Махидевран, останавливаясь в шаге от нее. – Ты думаешь, что ты особенная?

– Я ничего не думаю, госпожа.

– Не ври. Я вижу по твоим глазам. Ты думаешь, что сможешь занять мое место. Ты думаешь, что султан будет смотреть только на тебя. Ты ошибаешься.

Хюррем молчала, опустив глаза.

– Я родила ему сына, – продолжала Махидевран. – Я была с ним годы. Я знаю его лучше, чем ты когда-либо узнаешь. И я не позволю какой-то наложнице разрушить то, что я строила.

– Я не хочу разрушать, госпожа. Я просто хочу жить.

– Жить можно и в тени. Зачем тебе свет?

Хюррем подняла глаза.

– Потому что я не умею жить в тени.

Махидевран замерла. На мгновение в ее глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Но тут же исчезло.

– Ты пожалеешь об этих словах, – сказала она и ушла.

Айше, наблюдавшая за этой сценой издалека, подошла к Хюррем.

– Ты с ума сошла? Ты ей так ответила?

– Я сказала правду.

- Правда в гареме не нужна. Здесь нужна хитрость.
- Хорошо. Буду хитрой.

Сулейман приходил к ней каждую ночь.

Иногда он оставался до утра. Иногда уходил через час. Иногда они просто лежали и разговаривали. Хюррем узнавала его – его привычки, его слабости, его страхи.

Он боялся одиночества. Он боялся, что его предадут. Он боялся, что не оправдает надежд отца, великого султана Селима.

– Ты справишься, – сказала она ему однажды ночью.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Ты сильный. Ты умный. Ты добрый. Такие справляются.

Он посмотрел на нее с удивлением.

– Добрый? Меня никто не называл добрым.

– Значит, никто не знает тебя по-настоящему.

Он помолчал, потом притянул ее к себе.

– Ты странная, Хюррем. Ты говоришь то, что думаешь. Ты не боишься.

– Боюсь. Очень боюсь. Но с тобой – меньше.

Он улыбнулся. Впервые за долгое время.

– Оставайся такой. Не меняйся.

– Не изменюсь, – пообещала она. – Если ты не изменишься.

Он поцеловал ее в лоб, и они заснули.

Через месяц Хюррем поняла, что беременна.

Она почувствовала это сначала телом – легкая тошнота по утрам, странная слабость, необычные желания в еде. Потом пришло осознание.

– Ты уверена? – спросила Айше.

– Уверена.

– Это меняет все.

– Знаю.

Хюррем пошла к валиде. Хафса выслушала ее молча, потом долго смотрела.

– Если родишь сына, ты станешь опасной, – сказала она. – Для Махидевран. Для многих.

– Я знаю.

– Если родишь дочь – все равно поднимешься. Но медленнее.

– Я рожу сына.

Валиде усмехнулась.

– Самоуверенная. Это хорошо. Иди. Я скажу султану.

Сулейман прибежал к ней вечером. Вбежал в покои, схватил за плечи, заглянул в глаза.

– Это правда?

– Правда, повелитель.

Он засмеялся. Впервые Хюррем видела его таким – счастливым, легким, почти мальчишеским.

– Ты подаришь мне ребенка, – сказал он. – Ты подаришь мне наследника.

– Или наследницу.

– Нет. Сына. Я чувствую, что будет сын.

– Будет так, как пожелает Аллах.

Сулейман обнял ее, прижал к себе.

– Я никогда не оставлю тебя, – прошептал он. – Никогда.

Хюррем закрыла глаза. Она не знала, правда ли это. Но в этот момент ей хотелось верить.

Глава 9. Рождение

Ребенок родился в конце весны.

Это был мальчик. Крепкий, крикливый, с темными, как у отца, волосами и удивительно живыми глазами. Сулейман назвал его Мехмедом – в честь завоевателя, своего великого предка.

Хюррем лежала на подушках, обессиленная, но счастливая. Рядом, в колыбели, спал ее сын. Ее плоть и кровь. Ее будущее.

– Ты молодец, – сказала Айше, сидевшая рядом. – Ты справилась.

– Это только начало, – ответила Хюррем.

– Ты права. Теперь начинается самое трудное.

– Что может быть труднее родов?

– Защитить его. Вырастить. Сделать так, чтобы он стал наследником.

Хюррем посмотрела на сына.

– Он будет наследником, – сказала она тихо. – Я сделаю все, чтобы он им стал.

Айше покачала головой.

– Ты не представляешь, что говоришь. Махидевран не отдаст трон. У нее свой сын, Мустафа. Он старше. Он любимец янычар.

– Посмотрим.

– Хюррем...

– Я сказала – посмотрим.

В дверях появилась фигура. Сулейман вошел тихо, стараясь не шуметь. Подошел к колыбели, долго смотрел на сына, потом перевел взгляд на Хюррем.

– Спасибо, – сказал он. – Спасибо тебе.

– За что?

– За него. За счастье. За то, что ты есть.

Она улыбнулась.

– Я тоже тебе благодарна. За все.

Он сел рядом, взял ее руку.

– Теперь ты мать моего сына. Ты будешь под моей защитой всегда.

– А если ты устанешь от меня?

– Не устану.

– Люди устают.

– Я не люди. Я султан.

Хюррем посмотрела в его глаза и увидела там то, что искала – правду.

– Хорошо, – сказала она. – Я верю.

Глава 10. Интриги

С рождением Мехмеда жизнь Хюррем изменилась.

Она стала заметной фигурой в гареме. К ней приходили с вопросами, с просьбами, с подарками. Ее имя теперь произносили шепотом – кто с уважением, кто с завистью.

Махидевран не показывала виду, но Хюррем чувствовала ее ненависть. Она читала ее во взглядах, которые та бросала на Мехмеда. В том, как она сжимала кулаки, когда они встречались в коридорах. В том, как она целовала своего сына Мустафу, словно хотела защитить его от всего мира.

– Она боится, – сказала Айше. – Боится, что твой сын отодвинет ее.

– Значит, она права.

– Ты хочешь этого?

– Я хочу, чтобы мой сын был в безопасности. Если для этого нужно, чтобы он стал наследником – значит, он станет наследником.

Айше покачала головой.

- Ты играешь с огнем.
- Я привыкла. Огонь греет.

Первая попытка отравить Мехмеда случилась, когда ему было полгода.

Хюррем заметила странный привкус в молоке кормилицы. Едва уловимый, горьковатый. Она не стала кричать, не стала поднимать панику. Просто убрала кормилицу и поставила другую.

- Ты уверена? – спросила Айше.
- Уверена. Я знаю этот вкус. Так пахнет смерть.
- Кто это мог быть?
- Не знаю. Но узнаю.

Через неделю кормилицу нашли мертвой в ее комнате. Официальная версия – сердечный приступ. Хюррем знала правду.

- Кто-то замечает следы, – сказала она.
- Ты должна быть осторожна.
- Я буду. Но я не спрячусь. Если спрячусь – они победят.

Сулейман ничего не знал об этом. Хюррем не рассказывала ему. Она знала, что султан не должен погружаться в женские дразги. У него были дела поважнее – войны, политика, управление империей.

Но она знала и другое: ее враги не остановятся. И она должна быть готова.

– Найди мне людей, – сказала она Айше. – Умных, преданных, которые будут служить мне.

– Таких мало.

– Найди. Заплати. Пообещай. Сделай что угодно, но найди.

Айше кивнула.

– Я попробую.

– Не пробуй. Делай.

Через год у Хюррем была своя сеть.

Служанки, евнухи, повара, даже несколько мелких чиновников – все они получали от нее деньги и передавали информацию. Она знала, кто с кем встречается, кто что говорит, кто кому завидует.

Она знала, что Махидевран планирует новую атаку. Что валиде колеблется, не зная, на чью сторону встать. Что некоторые из визирей смотрят на нее с опаской.

– Ты стала опасной, – сказала Айше.

– Я всегда была опасной. Просто раньше никто этого не замечал.

– Что теперь?

– Теперь мы ждем. Ждем, когда они сделают первый шаг. И тогда ударим.

– А если они ударят первыми?

– Не успеют.

Айше посмотрела на нее с уважением.

– Ты не та девушка, которую я встретила в первый день.

– Я та же, – улыбнулась Хюррем. – Просто теперь я знаю,

кто я.

Глава 11. Смерть валиде

Хафса-султан умерла через два года после рождения Мехмеда.

Она болела долго, мучительно, но до последнего держалась. В последние дни она позвала Хюррем к себе.

– Подойди, – сказала она слабым голосом.

Хюррем подошла, опустилась на колени у постели.

– Я знаю о тебе все, – прошептала валиде. – Знаю, что ты делала, как боролась, как защищала сына. Я знаю про кормилицу. Знаю про сеть. Знаю про твои планы.

Хюррем молчала.

– Я не осуждаю тебя. Ты делала то, что должна была. В гареме иначе нельзя.

– Зачем вы позвали меня?

– Чтобы сказать... ты права. Мой сын любит тебя. По-настоящему. Так, как не любил никого. И это хорошо. Ему нужна такая женщина рядом. Сильная. Умная. Готовая на все.

Хюррем почувствовала, как по щеке скатилась слеза.

– Я не подведу его, – сказала она. – Клянусь.

– Знаю. Поэтому я прошу тебя... защити его. От него самого. От его доброты. От его сомнений. Будь с ним. Даже когда он будет далеко.

– Буду.

Валиде закрыла глаза.

– Теперь иди. Я хочу побыть одна.

Хюррем вышла. Утром валиде не стало.

Похороны были пышными. Весь Стамбул оплакивал мать султана. Сулейман был мрачнее тучи, почти ни с кем не разговаривал.

Хюррем подошла к нему ночью, обняла, прижалась.

– Она любила тебя, – сказала она.

– Знаю.

– Она хотела, чтобы ты был счастлив.

– Знаю.

– Я сделаю все, чтобы ты был счастлив.

Сулейман посмотрел на нее долгим взглядом.

– Ты единственная, кто остался у меня.

– И ты у меня.

Он обнял ее, и они простояли так до утра.

Глава 12. Путь к вершине

После смерти валиде влияние Хюррем выросло еще больше.

Она стала не просто фавориткой – она стала советницей, другом, опорой. Сулейман советовался с ней по многим вопросам. Не только о гареме, но и о политике, о войне, о людях.

– Ты умнее многих моих визирей, – сказал он однажды.

– Они просто боятся говорить тебе правду.

– А ты не боишься?

– Нет. Потому что я люблю тебя. А любовь не боится.

Он улыбнулся.

– Оставайся такой.

– Останусь.

Махидевран чувствовала, как почва уходит из-под ног.

Она пыталась бороться, пыталась интриговать, пыталась привлечь на свою сторону визирей. Но Хюррем была быстрее, умнее, хитрее.

– Ты не оставляешь мне выбора, – сказала она однажды при встрече.

– У тебя всегда есть выбор, – ответила Хюррем. – Ты можешь принять меня. Можешь уйти в тень. Можешь бороться. Выбирай.

– Я выберу бороться.

– Тогда проиграешь.

Махидевран сжала кулаки.

– Посмотрим.

Они смотрели.

Через год Мустафа, сын Махидевран, был отправлен в провинцию – формально для обучения управлению, на самом деле – подальше от двора, подальше от влияния на янычар. Махидевран уехала с ним.

Хюррем осталась одна.

Она стояла во внутреннем дворе Топкапы, смотрела на небо и думала о том, как далеко она ушла от той испуганной девушки, которую привезли сюда годы назад.

– Ты победила, – сказала Айше, подходя сзади.

– Нет, – ответила Хюррем. – Это не победа. Это просто этап.

– Что дальше?

– Дальше – жизнь. Для меня. Для моих детей. Для него.

Она повернулась и пошла в покои, где ждал Сулейман.

Впереди была целая жизнь.

Конец третьего тома

Том четвертый

Война

Глава 13. Сулейман уходит

Стамбул провожал своего повелителя.

Тысячи людей выстроились вдоль улиц, ведущих к воротам. Янычары в парадных мундирах, сипахи на породистых конях, визири в роскошных халатах, слуги с поклажей – всё это двигалось медленной, величественной рекой к горизонту, за которым начиналась война.

Сулейман стоял на балконе Топкапы, одетый в боевые доспехи, поверх которых была накинута мантия, расшитая золотом. Рядом с ним – Хюррем.

Она смотрела на него и пыталась запомнить каждую черту. Высокий лоб, тонкий нос, губы, которые умели быть и нежными, и жёсткими, глаза, в которых сейчас читалась не столько воинственность, сколько усталость.

– Ты вернёшься, – сказала она. Это был не вопрос.

– Вернусь, – ответил он. – Я всегда возвращался.

– На этот раз будет труднее. Я слышала, что венгерский король собрал большое войско.

– Я слышал то же самое. Но Аллах на нашей стороне.

Хюррем промолчала. Она не верила в то, что Аллах на чьей-то стороне. Она верила в людей, в их силу, в их слабость, в их страхи. Но говорить об этом Сулейману не стоило.

– Береги детей, – сказал он. – Береги себя. И помни: в га-

реме теперь ты главная. Валиде нет, Махидевран в провинции. Слушайся кызляр-агу, но решения принимай сама.

– Я поняла.

– Если что-то случится...

– Ничего не случится. Ты вернёшься, и всё будет хорошо.

Он улыбнулся той особенной улыбкой, которую берег только для неё.

– Ты всегда так говоришь. Как будто знаешь будущее.

– Не знаю. Просто верю.

Он обнял её, поцеловал в лоб и пошёл к лестнице, где ждали визири.

Хюррем смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду. Потом повернулась и пошла в гарем. Впереди были месяцы одиночества.

Гарем без Сулеймана был другим.

Он не опустел – женщины по-прежнему шушукались в коридорах, служанки бегали с подносами, евнухи стояли на страже. Но воздух стал другим. Исчезло напряжение, которое всегда присутствовало, когда повелитель был рядом. Исчезла надежда.

Теперь здесь правили другие законы.

Хюррем чувствовала это сразу. Взгляды, которые бросали на неё другие женщины, стали другими. Раньше в них была зависть, смешанная со страхом. Теперь – любопытство,

смешанное с надеждой. Надеждой на то, что она оступится, ошибётся, упадёт.

– Ты им нужна слабой, – сказала Айше, когда они остались одни. – Они ждут твоей слабости.

– Я не дам им её.

– Знаю. Но будь осторожна. В отсутствие султана здесь всё может измениться.

– Я готова.

Первая проблема пришла оттуда, откуда не ждали.

Гюльбахар, та самая фаворитка, которая когда-то предупредила Хюррем об опасности, вдруг стала проявлять активность. Она собирала вокруг себя женщин, шепталась с евнухами, зачастила к кызляр-аге.

– Она что-то замышляет, – сказала Айше.

– Знаю.

– Надо что-то делать.

– Надо ждать.

– Ждать, пока она ударит?

– Ждать, чтобы увидеть, кто с ней. Потом ударим мы.

Айше покачала головой, но спорить не стала.

Через две недели Хюррем узнала, кто стоит за Гюльбахар. Это была Хатидже, сестра Сулеймана.

Хатидже-султан никогда не любила Хюррем. Она считала её выскочкой, самозванкой, угрозой для династии. При жизни валиде она молчала, но теперь, когда матери не стало, а брат ушёл на войну, решила действовать.

– Она хочет посадить на твоё место Гюльбахар, – сказала Айше. – Говорят, они уже договорились с некоторыми евнухами.

– С кем именно?

– С Сулейманом-агой. С его заместителем. Ещё с несколькими мелкими.

Хюррем задумалась.

– Сулейман-ага – это плохо. Он управляет всеми финансами гарема.

– Что будем делать?

– Сначала поговорю с ним.

– Он тебя не слушает. Он на стороне Хатидже.

– Послушает. У меня есть чем его заинтересовать.

Встреча состоялась на следующий день.

Сулейман-ага был старым, опытным евнухом, который служил ещё при отце Сулеймана. Он видел взлёты и падения многих фавориток, и Хюррем для него была просто очередной – яркой, но не вечной.

– Госпожа, – склонился он, когда она вошла. – Чем обязан?

– Садись, – сказала Хюррем, указывая на подушки. – Разговор будет долгим.

Он сел, но в глазах его читалась настороженность.

– Я знаю, что ты говорил с Хатидже, – начала Хюррем без предисловий. – Знаю, что она предлагала тебе деньги за помощь Гюльбахар.

Сулейман-ага побледнел.

– Госпожа, я...

– Не оправдывайся. Я не судья. Я просто хочу предложить тебе сделку.

– Какую?

– Ты остаёшься на своём месте. Получаешь от меня вдвое больше, чем обещала Хатидже. И помогаешь мне следить за теми, кто хочет мне зла.

Евнух молчал, обдумывая.

– Хатидже – сестра султана, – сказал он наконец. – Если она узнает...

– Не узнает. А если узнает – что она сделает? Султан далеко, а я здесь. И я буду здесь, когда он вернётся.

Сулейман-ага посмотрел на неё долгим взглядом.

– Ты опасная женщина, Хюррем.

– Я мать сына султана. И я хочу только одного – защитить своих детей.

– Хорошо, – кивнул он. – Я согласен.

– Умный выбор.

Она поднялась и вышла, оставив евнуха в раздумьях.

Через месяц Гюльбахар исчезла.

Официально – её отправили в старый дворец, где дожидали свой век бывшие наложницы предыдущих султанов. Неофициально – Хатидже пыталась протестовать, но Хюррем была неуязвима.

– Ты победила, – сказала Айше. – Опять.

– Это не победа, – ответила Хюррем. – Это просто ещё один шаг.

– Сколько их будет?

– Не знаю. Столько, сколько потребуется.

Глава 14. Вести с войны

Вести с фронта приходили редко и с опозданием.

Сначала говорили, что Сулейман взял Белград. Потом – что движется на Родос. Потом – что осада затягивается, рыцари сопротивляются отчаянно, потери велики.

Хюррем молилась. Не так, как учили в детстве, не так, как учили в гареме. Она просто сидела в своей комнате, смотрела на огонь в светильнике и думала о нём.

– Вернись, – шептала она. – Просто вернись.

Мехмед рос.

Он был похож на отца – те же глаза, тот же разрез губ, та же манера хмурить брови, когда задумывался. Хюррем часами сидела с ним, рассказывала сказки, пела песни, которые помнила из детства.

– Мама, а почему ты грустишь? – спросил он однажды.

– Я не грущу, сынок. Я просто думаю.

– Об отце?

– Да. Об отце.

– Он вернётся?

– Обязательно вернётся.

– А привезёт мне подарок?

– Конечно. Самый лучший.

Мехмед улыбнулся и побежал играть. Хюррем смотрела на него и думала о том, как защитить его от всего, что ждёт впереди.

Вскоре пришли новости с Родоса.

Осада длилась полгода. Рыцари сражались отчаянно, но силы были неравны. Сулейман лично участвовал в боях, подбадривал солдат, обещал награды за каждый прорыв.

И крепость пала.

Хюррем читала письмо от Сулеймана, и слёзы текли по щекам. Не от радости – от облегчения. Он жив. Он вернулся.

«Скоро буду дома, – писал он. – Жди меня. Я соскучился».

Она прижала письмо к груди и закрыла глаза.

Сулейман вернулся через месяц.

Хюррем ждала его у ворот гарема, вместе с детьми, вместе с другими женщинами. Когда он появился – уставший, загоревший, в пыльном походном платье, – она едва сдержалась, чтобы не броситься к нему.

Он подошёл, остановился, посмотрел на неё.

– Ты ждала?

– Всегда.

Он улыбнулся, обнял её, прижал к себе.

– Я дома.

Глава 15. Награда

Сулейман вернулся не с пустыми руками.

Он привёз Хюррем подарки – драгоценности, ткани, дирижирующие вещи с далёкого острова. Но самый главный подарок был другим.

– Я решил, – сказал он однажды вечером. – Я сделаю тебя своей законной женой.

Хюррем замерла.

– Это невозможно. Султаны не женятся на рабынях. Такого не было веками.

– Будет. Я хочу, чтобы ты была моей женой. Чтобы наши

дети были законными. Чтобы никто не смел смотреть на тебя свысока.

– А Махидевран? А визири? А народ?

– Плевать. Я султан. Моя воля – закон.

Хюррем смотрела на него и не верила своим ушам. Это было больше, чем она могла себе представить. Больше, чем она смела надеяться.

– Ты правда этого хочешь?

– Правда. И это будет сделано.

Свадьба была скромной по меркам империи, но грандиозной по сути.

Впервые за сто лет султан женился на женщине, которая родилась не на троне. Впервые бывшая рабыня становилась законной султаншей.

Хюррем надевала свадебное платье, и руки её дрожали. Айше помогала ей, поправляла складки, застёгивала пряжки.

– Ты дрожишь, – сказала она.

– Страшно.

– Не бойся. Ты прошла через столько, что это – просто праздник.

– Я не о том. Я боюсь того, что будет после. Теперь у меня ещё больше врагов.

– Было бы странно, если бы их не стало. Но ты справишь-

ся. Ты всегда справлялась.

Хюррем посмотрела на себя в зеркало. Из отражения на неё смотрела красивая, уверенная женщина. Не та испуганная девушка, которую привезли сюда годы назад.

– Хюррем, – прошептала она. – Смеющаяся. Интересно, буду ли я ещё смеяться?

– Будешь, – сказала Айше. – Обязательно будешь.

Султан ждал её в тронном зале.

Он сидел на троне, одетый в парадные одежды, и улыбался. Рядом стояли визири, муфтии, придворные. Все они смотрели на Хюррем, и в их взглядах читалось разное – удивление, зависть, уважение, страх.

Она подошла, опустилась на колени.

– Встань, – сказал Сулейман. – Моя жена не должна стоять на коленях.

Она встала. Он поднялся, взял её за руку и повёл к месту рядом с тронном.

– Отныне ты – Хюррем Султан. Законная жена повелителя. Мать его детей. Равная мне перед Аллахом и людьми.

Она смотрела на него и чувствовала, как сердце переполняет благодарность.

– Я не подведу тебя, – прошептала она.

– Знаю, – ответил он. – Никогда не сомневался.

Том пятый

Кровь

Глава 16. Ибрагим-паша

Ибрагим-паша был самым близким человеком для Сулеймана после Хюррем.

Они выросли вместе. Ибрагим был греком, захваченным в плен в детстве, но Сулейман заметил его ум, преданность, острый ум и сделал своим другом. Теперь Ибрагим был великим визирем – вторым человеком в империи после султана.

Хюррем знала это. И знала ещё кое-что: Ибрагим не любил её.

– Он видит во мне угрозу, – сказала она однажды Сулейману.

– Ты ошибаешься, – ответил он. – Ибрагим – мой друг. Он желает мне только добра.

– Добра тебе – да. А мне?

Сулейман помолчал.

– Ему просто нужно время, чтобы привыкнуть.

– Времени может не быть.

– Хюррем...

– Я не прошу тебя выбирать. Я прошу тебя быть осторожным.

Он обнял её, поцеловал в лоб.

– Ты слишком много волнуешься. Ибрагим – мой брат. Он никогда меня не предаст.

Хюррем промолчала. Она знала, что братья предают чаще, чем враги.

Ибрагим-паша был красив той особенной, мужской красотой, которая притягивала взгляды. Высокий, статный, с правильными чертами лица, он носил роскошные одежды и говорил так, что его хотелось слушать бесконечно.

При дворе его любили. Солдаты – за храбрость, придворные – за щедрость, женщины – за обаяние. Он был душой любой компании, даром что грек, даром что бывший раб.

– Он слишком популярен, – заметила Айше.

– Знаю, – ответила Хюррем.

– Это опасно. Популярность визиря – угроза для султана.

– Султан этого не видит.

– Значит, ты должна ему показать.

Хюррем покачала головой.

– Не сейчас. Он не поверит. Для него Ибрагим – брат.

– А для тебя?

– Для меня – враг.

Конфликт назревал долго.

Ибрагим не делал открытых выпадов против Хюррем. Он был слишком умён для этого. Но его люди – его сторонники, его агенты, его шпионы – постоянно создавали ей проблемы.

То пропадали важные бумаги. То слуги вдруг начинали говорить о ней неподобающие вещи. То евнухи, верные Ибрагиму, перекрывали доступ к информации.

Хюррем терпела. Она собирала доказательства, накапливала факты, ждала.

– Ты слишком долго ждёшь, – говорила Айше. – Он может ударить первым.

– Не ударит. Он умён. Он будет ждать моего удара, чтобы отразить.

– А если ты ошибаешься?

– Тогда мы проиграем. Но я не ошибаюсь.

Удар пришёл, когда Хюррем его не ждала.

Ибрагим-паша уговорил Сулеймана отправить Мехмеда, старшего сына Хюррем, в провинцию. Якобы для обучения управлению, для знакомства с будущими подданными.

– Это опасно, – сказала Хюррем Сулейману. – Он ещё мал.

– Ему уже семь лет. В его возрасте я уже охотился с отцом.

– Ты был султанским сыном. А он – сын бывшей рабыни.

Для него это может быть смертельно опасно.

Сулейман нахмурился.

– Ты преувеличиваешь.

– Я мать. Я не могу преувеличивать, когда речь о моём ребёнке.

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

– Ибрагим прав. Ты слишком опекаешь детей. Им нужно расти, учиться, становиться мужчинами.

– Они станут мужчинами. Но не в семь лет.

– Решено, – отрезал Сулейман. – Мехмед едет.

Хюррем сжала кулаки, но промолчала. Она знала, что спорить сейчас бесполезно.

Мехмед уехал через неделю.

Хюррем стояла у ворот, смотрела, как удаляется повозка с сыном, и чувствовала, как внутри закипает холодная ярость.

– Я убью его, – сказала она тихо.

– Кого? – спросила Айше.

– Ибрагима. Я убью его своими руками.

– Хюррем...

– Я сказала. Он заплатит за это.

Месяцы ожидания были мучительными.

Письма от Мехмеда приходили редко. Он писал, что у него всё хорошо, что он учится, что ему нравится в провин-

ции. Но Хюррем знала, что это не так. Она чувствовала материнским сердцем, что сыну плохо, что он одинок, что ему страшно.

– Он вернётся, – утешала Айше. – Обязательно вернётся.

– Вернётся. Но каким?

– Таким же. Ты же знаешь своих детей. Они сильные.

– Они сильные, потому что я сделала их такими. Потому что я боролась за них. А теперь я не могу бороться.

– Ты борешься. Каждый день. И скоро победишь.

Хюррем посмотрела на неё.

– Ты правда так думаешь?

– Правда. Ты всегда побеждаешь.

Через год Мехмед вернулся.

Он был другим. Повзрослевшим, более серьёзным, более замкнутым. В его глазах появилась та особая осторожность, которая бывает у людей, рано узнавших цену жизни.

– Мама, – сказал он, обнимая её. – Я скучал.

– Я тоже, сынок. Я тоже.

Она гладила его по голове и думала о том, что Ибрагим-паша за всё ответит.

Сулейман не замечал, как растёт напряжение между его женой и его другом.

Для него они были двумя самыми близкими людьми. Он не понимал, почему они не могут поладить.

– Почему ты так не любишь Ибрагима? – спросил он однажды.

– Я не люблю его, потому что он хочет мне зла.

– Он не хочет тебе зла. Он просто заботится обо мне.

– Забота о тебе не требует уничтожения меня.

Сулейман вздохнул.

– Вы оба мне дороги. Не заставляй меня выбирать.

– Я не заставляю. Но когда-нибудь тебе придётся.

Он посмотрел на неё с тревогой.

– Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

– Я знаю, что люди меняются. Что друзья становятся врагами. Что власть портит даже лучших.

– Ибрагим не такой.

– Все такие.

Сулейман покачал головой, но спорить не стал.

Через год Хюррем представила Сулейману доказательств.

Это были письма, документы, свидетельства людей, готовых подтвердить свои слова. Всё это доказывало, что Ибрагим-паша вёл переговоры с врагами империи, что он получал от них деньги, что он планировал переворот.

Сулейман читал и бледнел.

– Этого не может быть, – прошептал он. – Это подделка.

– Это правда, – сказала Хюррем. – Я не стала бы приносить тебе ложь.

– Зачем ему это? Он был мне как брат!

– Власть меняет людей. Ты сам это знаешь.

Сулейман закрыл глаза. На лице его была написана такая мука, что Хюррем на мгновение стало жаль его.

– Что мне делать? – спросил он.

– Ты султан. Ты знаешь, что делать.

– Он мой друг...

– Он был твоим другом. Теперь он твой враг.

Ибрагима казнили через три дня.

Хюррем не присутствовала при казни, но Айше рассказала ей всё. Он умер мужественно, не просил пощады, не плакал. Только перед смертью посмотрел в сторону покоев султана и сказал:

– Передайте ему, что я любил его. Как брата.

Сулейман после казни заперся в своих покоях и никого не принимал трое суток. Хюррем приносила ему еду, но он не ел. Он просто сидел у окна и смотрел в пустоту.

– Ты сделал правильно, – сказала она.

– Знаю. Но легче от этого не стало.

– Не станет. Никогда. Но ты справишься.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я рядом. Потому что я всегда буду рядом.
Он посмотрел на неё долгим взглядом.
– Ты единственная, кто у меня остался.
– И ты у меня.
Он обнял её, и они простояли так до утра.

Глава 17. Новые союзы

После смерти Ибрагима-паши при дворе началась новая эпоха.

Место великого визиря занял Рустем-паша – человек умный, хитрый, расчётливый. Он быстро понял, кто на самом деле управляет империей, и сделал ставку на Хюррем.

– Вы мудрая женщина, госпожа, – сказал он при первой встрече. – Я хотел бы служить вам.

– Мне не нужны слуги, – ответила Хюррем. – Мне нужны союзники.

– Тогда я буду союзником.

– Докажи.

– Я уже доказал. Ибрагим пал не без моей помощи.

Хюррем посмотрела на него с интересом.

– Ты дал мне те письма?

– Я дал. Потому что знал: с Ибрагимом империя погибнет. С вами – выживет.

– Лесть – плохое начало для союза.

– Это не лесть. Это правда. Я наблюдал за вами. Вы умны,

осторожны, терпеливы. Вы родили султану четверых детей и сохранили его любовь. Это дорогого стоит.

Хюррем усмехнулась.

– Ты опасный человек, Рустем-паша.

– Я полезный человек. Это главное.

– Хорошо. Я подумаю.

Через месяц Рустем-паша женился на дочери Хюррем, Михримах.

Это был политический союз, но, как ни странно, они полюбили друг друга. Михримах писала матери письма, полные нежности к мужу, и Хюррем понимала: её дочь счастлива.

– Ты довольна? – спросила Айше.

– Довольна. Он умен, предан, и он любит её.

– А то, что он использует тебя?

– Мы используем друг друга. Это и есть союз.

Власть Хюррем крепла с каждым днём.

Она принимала послов, вела переписку с иностранными правителями, влияла на назначения визирей. Сулейман не препятствовал ей – наоборот, он гордился её умом и хваткой.

– Ты могла бы управлять империей, – сказал он однажды.

– Я и управляю, – улыбнулась она. – Просто ты этого не

замечаешь.

Он рассмеялся.

– Ты удивительная женщина, Хюррем.

– Я знаю. Поэтому ты меня и любишь.

– Поэтому.

Глава 18. Тень Мустафы

Но тень на горизонте уже появилась.

Мустафа, сын Сулеймана от Махидевран, подрастал. Ему было уже пятнадцать, и он становился любимцем янычар. Солдаты видели в нём будущего султана – храброго, справедливого, похожего на отца в молодости.

Хюррем чувствовала опасность.

– Он угроза моим детям, – сказала она Сулейману.

– Он мой сын, – ответил тот. – Как и Мехмед. Как и Селим.

– Он старше. Он ближе к трону. Если янычары поднимут его...

– Не поднимут. Я не допущу.

– Ты не сможешь ничего сделать, если они решат.

Сулейман нахмурился.

– Ты предлагаешь мне убить собственного сына?

– Я предлагаю тебе быть осторожным. Мустафа окружён людьми, которые настраивают его против тебя.

– Какими людьми?

– Те, кто служили Ибрагиму. Те, кто недовольны моим влиянием. Те, кто хотят власти.

Сулейман задумался.

– Я подумаю об этом, – сказал он.

Хюррем кивнула. Она знала, что он подумает. И что рано или поздно ему придётся сделать выбор.

Конец пятого тома

Том шестой

Материнство

Глава 19. Четверо детей

У Хюррем было четверо детей.

Мехмед – старший, надежда и гордость. Он был похож на Сулеймана не только лицом, но и характером – такой же серьёзный, такой же ответственный, такой же глубокий.

Михримак – единственная дочь. Красивая, умная, с характером матери. Она умела улыбаться так, что таяли сердца, и молчать так, что враги начинали бояться.

Селим – второй сын. Спокойный, медлительный, любящий комфорт и удовольствия. Он не рвался к власти, не мечтал о троне, предпочитал книги и вино.

Баязид – младший. Горячий, страстный, нетерпеливый.

Он хотел всего и сразу. Он завидовал братьям и мечтал стать первым.

– Они такие разные, – сказала однажды Айше.

– Такие, как есть, – ответила Хюррем. – И я люблю каждого.

– Даже Селима? Он же ленивый.

– Особенно Селима. Он добрый. А добрых правителей не бывает, но добрые люди нужны всегда.

– А Баязид?

– Баязид – огонь. Если его не направлять, он сожжёт всё вокруг.

– А Мехмед?

– Мехмед – надежда. Если он выживет, империя будет в безопасности.

– Если выживет?

– Все мы под Богом, Айше. Особенно дети султана.

Мехмед рос быстро.

В двенадцать лет он уже участвовал в заседаниях дивана, слушал споры визирей, вникал в государственные дела. Сулейман брал его с собой в походы, показывал войска, учил военному делу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.